

18+

Елена Наумова
Виктория Журавлева
Надежда Монсальваж

АСТРОЛОГИЯ ДЛЯ СИСТЕМНОГО РАССТАНОВЩИКА

ТОМ II: Закон принадлежности

Виктория Журавлева

**Астрология для системного
расстановщика. ТОМ II:
Закон принадлежности**

«Издательские решения»

Журавлева В.

Астрология для системного расстановщика. ТОМ II: Закон принадлежности / В. Журавлева — «Издательские решения»,

В издании астрология предстаёт как инструмент системного расстановщика, позволяющий выдвигать гипотезы о нарушениях четырёх системных законов. Натальная карта интерпретируется через Информационно-Паттернную Модель. Второй том посвящён Закону Принадлежности. Исключение рассматривается как динамика, порождающая «фантомные узлы» и идентификацию. Разобраны формы исключения. Представлены астрологические маркеры — дома и планеты. Описан алгоритм перевода гипотезы в расстановку через протокол СМП.

© Журавлева В.

© Издательские решения

Содержание

Введение ко второму тому	6
Феноменология исключения	11
Механизм исключения в распределённом реестре	11
«Фантомный узел» и «висячие связи»	12
Идентификация и системная лояльность	16
Типология исключённых фигур	22
Исключение через табуирование	23
Исключение через стигматизацию	27
Исключение через институциональное забвение	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Астрология для системного расстановщика ТОМ II: Закон принадлежности

**Елена Наумова
Виктория Журавлева
Надежда Монсальваж**

Редактор Александр Евгеньевич Капитонов

Дизайнер обложки Наталья Максимовна Белова

© Елена Наумова, 2026

© Виктория Журавлева, 2026

© Надежда Монсальваж, 2026

© Наталья Максимовна Белова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-5617-5 (т. 2)

ISBN 978-5-0070-4433-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение ко второму тому

Первый том нашего семитомного издания заложил теоретический фундамент Информационно-Паттернной Модели. Мы определили систему как распределённый реестр паттернов, а паттерн-транзакцию — как элементарную единицу системной информации. Мы описали три принципа функционирования реестра: неизменяемость базового факта, распределённое хранение с верификацией и консенсусное подтверждение через воспроизведение. Наконец, мы представили пятифазный протокол СМП и ввели астрологию как вероятностный инструмент для выдвижения гипотез.

Теперь мы переходим к первому и наиболее фундаментальному из четырёх системных законов — Закону Принадлежности. Без его соблюдения все остальные законы — Иерархии, Баланса и Интеграции — теряют свою опору и эффективность. Именно Принадлежность задаёт саму возможность существования системы как целостности. Если этот закон нарушен, любые попытки восстановить порядок, равновесие или смысл оказываются бесполезными.

Закон Принадлежности утверждает: любой элемент, оказавший существенное влияние на систему, имеет неотъемлемое право на запись в её распределённом реестре. Это право не является моральной категорией, требующей любви и прощения ко всем без исключения. Это системный императив информационной полноты, вытекающий из самой логики работы реестра. Без полноты записей система не может адекватно описывать себя и принимать верные решения.

Нарушение Закона Принадлежности называется исключением или эксклюзией. Исключение не уничтожает информацию об элементе, а переводит её в разряд «нелегитимной», «запрещённой», «несуществующей». Элемент не исчезает из реестра, но его запись получает маркировку «доступ запрещён» и продолжает влиять на систему из тени. Именно это и создаёт тот фундаментальный системный сбой, с которым мы будем работать на протяжении всего тома.

Исключённый элемент превращается в «фантомный узел» — информационную сущность, которая продолжает существовать в реестре, но не имеет легитимного статуса. Связи этого фантомного узла с другими элементами остаются незавершёнными, образуя так называемые «висячие связи». Система бессознательно стремится заполнить эту пустоту, и этот процесс заполнения и есть механизм, лежащий в основе идентификации и неосознаваемой лояльности.

Исключение может принимать различные формы, каждая из которых имеет свои механизмы поддержания и требует своих способов коррекции. Первая форма — табуирование и замалчивание, когда об элементе «не принято говорить», его имя не произносится, а все напоминания о нём уничтожаются или прячутся. Вторая форма — стигматизация и осуждение, когда элемент фиксируется в реестре, но с негативной маркировкой, исключающей уважение и благодарность. Третья форма — систематическое обесценивание вклада, когда элемент формально признаётся членом системы, но его реальное влияние, заслуги и жертвы отрицаются или минимизируются.

Системные последствия исключения многообразны и затрагивают все уровни функционирования системы. Фантомные узлы и висячие связи создают в реестре структурные «дыры», которые искажают все процессы принятия решений. Идентификация с исключённым элемен-

том заставляет потомка бессознательно перенимать его характеристики, эмоции, симптомы и даже целую судьбу. Неосознаваемая лояльность мешает человеку жить своей жизнью, заставляя его отказываться от счастья, успеха и здоровья «ради» того, кто был исключён.

Исключение всегда порождает искажение системной коммуникации и формирование семейных тайн. Информация, которая не может быть свободно верифицирована через открытое обсуждение, переходит в разряд «особого знания», доступ к которому строго контролируется. Вся коммуникация в системе начинает обтекать эту «информационную чёрную дыру», что создаёт атмосферу неискренности, напряжённости и двусмысленности. Эта атмосфера, в свою очередь, становится благодатной почвой для новых исключений, замыкая порочный круг.

Именно поэтому диагностика исключённых элементов должна быть первым шагом в любой системной работе, предшествующим анализу иерархических нарушений, дисбалансов и «слепых зон», которые часто являются лишь вторичными следствиями первичного исключения. Система, которая не признаёт собственной полноты, в которой есть элементы, чьи записи маркированы как «нелегитимные», не может быть ни правильно иерархически организована, ни сбалансирована, ни интегрирована. Коррекция исключения является необходимым условием для всех последующих шагов системной помощи.

Второй том нашей серии призван дать расстановщику не только теоретическое понимание Закона Принадлежности, но и практический инструментарий для его диагностики и восстановления. Мы подробно разберём феноменологию исключения — как оно возникает, как поддерживается, как проявляется в различных типах систем. Мы опишем типичные фигуры, которые оказываются исключёнными, — от «позора семьи» до «забытого предка», от «незаконнорождённого» до «нерождённого». Мы покажем, как эти фигуры продолжают влиять на систему через поколения, даже когда их имена давно стёрты из семейной памяти.

Особое место во втором томе займёт астрологический инструментарий для выявления вероятных исключений. Мы покажем, как анализ натальной карты позволяет выдвинуть гипотезу о том, какие именно фигуры с наибольшей вероятностью исключены из системы клиента. Четвёртый, восьмой и двенадцатый дома астрологической карты являются основными резервуарами системной памяти, где хранится информация об исключённых элементах. Сатурн, Плутон, Нептун и Кету выступают ключевыми планетарными указателями на различные типы исключений — от запретной темы до насильственной смерти.

Мы покажем, как положение планет в указанных домах и их конфигурации — тау-квадраты, большие кресты, напряжённые аспекты к Луне — позволяют с высокой вероятностью предположить наличие исключённой фигуры в родовой или семейной системе. Астрология не даёт окончательного диагноза, но она даёт направление для аудита, позволяя расстановщику задавать клиенту целенаправленные вопросы и быстрее выходить на ключевую системную динамику. Астрологическая гипотеза всегда требует верификации в живой расстановочной модели, но без неё работа часто становится хаотичным перебором возможных фигур.

Мы также представим алгоритм перевода астрологической гипотезы в расстановочную работу, проходящий через все пять фаз протокола СМП. В фазе аудита астрологическая карта помогает сформулировать гипотезу об исключении, загрузить её в Предварительную Карту Системы и определить направление сбора системной хронологии. В фазе развёртывания модели гипотеза определяет, какие фигуры должны быть введены в первую очередь, а какие — в качестве проверочных. В фазе диагностики ожидаемые телесные реакции репрезентаторов

— тяжесть в плечах, желание отвернуться, холод в конечностях — служат подтверждением или опровержением гипотезы.

В фазе коррекционной интервенции восстановление Принадлежности осуществляется через введение фигуры исключённого элемента и нахождение для него уважительного места в пространственной конфигурации. Ключевая фраза «Ты принадлежишь этой системе» произносится с чувством и сопровождается возвращением исключённому его имени, достоинства и места в системной иерархии. Признание и произнесение имени вслух является тем актом, который снимает запрет с ранее табуированной информации и переводит её из разряда «нелегитимной» в разряд «легитимной». Этот акт сам по себе обладает мощным терапевтическим эффектом.

В фазе интеграции астрологический символ может служить основой для интеграционного якоря — конкретного действия клиента, которое закрепляет новую запись в реестре. Это может быть зажигание свечи в день соответствующей планеты, написание письма исключённому предку, посещение места его захоронения или иной ритуал, который символически завершает незавершённую транзакцию. Интеграционный якорь с опорой на планетный символ имеет ту глубину и персонализацию, которой часто лишены абстрактные психологические рекомендации. Он резонирует с бессознательным клиента и усиливает закрепление нового паттерна.

Мы не ограничимся теорией и алгоритмами — мы подробно разберём клинические примеры, иллюстрирующие каждый шаг работы. Вы увидите, как астрологическая гипотеза превращается в расстановочную интервенцию, как она верифицируется в модели и как результат закрепляется в реальной жизни клиента. Каждый кейс будет сопровождаться подробным разбором астрологической карты, описанием расстановочной динамики и анализом телесных реакций репрезентаторов. Это позволит вам не только понять метод, но и освоить его на уровне практических навыков.

Важно подчеркнуть, что работа с исключением — это всегда работа с болью, которую система долгое время отрицала и подавляла. Исключение всегда связано с травмой — насильственной смертью, предательством, позором, утратой, которые не были пережиты и осмыслены должным образом. Поэтому восстановление Принадлежности требует от расстановщика не только технической компетенции, но и эмоциональной зрелости, способности контейнировать сильные чувства и выдерживать напряжение, которое возникает при соприкосновении с запретным. Это не простая работа, но именно она часто приносит наиболее глубокие и устойчивые результаты.

Особое внимание мы уделим работе с исключёнными фигурами, которые никогда не были явно включены в реестр — абортированным детям, мертворождённым, выкинутым плодам, а также детям, рождённым вне брака или от насилия. Эти элементы особенно трудно диагностировать, потому что они не были «удалены» из реестра — их как бы «никогда не было». Однако именно эти «невидимые» исключения часто лежат в основе самых тяжёлых и хронических системных дисфункций, не поддающихся коррекции на уровне явных фигур. Астрологический инструментарий даёт ключ к этим «невидимым» исключениям.

Мы также рассмотрим организационные системы и специфику исключения в них. Уволенный сотрудник, чей вклад был обесценен, провальный проект, о котором запрещено вспоминать, основатель, чьё имя было вычеркнуто из корпоративной истории, — все эти фигуры

создают в организационном реестре те же фантомные узлы и висячие связи, что и в семейной системе. Работа с организационными исключениями требует учёта корпоративной культуры, формальных и неформальных правил, а также истории компании. Астрологический анализ карты основателя или момента регистрации компании может дать ценные гипотезы о природе организационных исключений.

Закон Принадлежности не является абстрактным философским принципом, оторванным от живой практики расстановщика. Это рабочий инструмент, который каждый день, в каждой сессии помогает отвечать на ключевые вопросы: кто исключён из этой системы? Какая форма исключения имеет место — табуирование, стигматизация или обесценивание вклада? Кто идентифицирован с исключённым? Какая тайна искажает коммуникацию и не позволяет системе исцелиться? Ответы на эти вопросы определяют, какие фигуры должны быть введены в расстановку, какие фразы должны быть произнесены и какие ритуалы должны быть совершены.

Без Закона Принадлежности расстановка рискует превратиться в хаотическое блуждание, где ведущий действует методом проб и ошибок, полагаясь на случайную интуицию. С Законом Принадлежности расстановка становится целенаправленной диагностической и коррекционной процедурой, где каждый шаг обоснован, каждое действие имеет свою цель, а результат может быть предсказан и проверен. Именно поэтому мы начинаем детальное рассмотрение четырёх системных законов именно с Принадлежности — как с самого фундамента, на котором строится всё здание системной помощи.

Астрологический инструментарий, который мы предлагаем во втором томе, не является обязательным элементом методологии. Расстановщик может прекрасно работать без него, опираясь только на аудит системной хронологии и живую модель. Однако для тех, кто готов освоить этот инструмент, астрология открывает дополнительные возможности: повышает точность предварительной диагностики, сокращает время поиска ключевой системной динамики и обогащает язык гипотез. Астрология не заменяет расстановку, но делает её более целенаправленной и, следовательно, более эффективной.

В этом смысле астрологический инструментарий можно сравнить с микроскопом для биолога или с рентгеновским аппаратом для хирурга. Без них можно увидеть многое, но с ними видишь детали, недоступные невооружённому глазу. Однако, как и любой инструмент, астрология требует правильного использования и осознания своих ограничений. Астрологическая гипотеза — это не истина в последней инстанции, а вероятностное предположение, которое должно быть проверено в живой модели и может быть опровергнуто её данными. Приоритет всегда за моделью, а не за картой.

Мы приглашаем читателя в путешествие по феноменологии исключения — от его самых очевидных проявлений до самых скрытых, от явных табу до тонких обесцениваний. Мы покажем, как исключение может передаваться через поколения, как оно маскируется под заботу и любовь, как оно становится «нормой» в дисфункциональных системах. Мы научим вас распознавать голос исключённого в симптомах клиента, в его повторяющихся сценариях, в его хронических неудачах. Мы дадим вам инструменты, чтобы этот голос был услышан и чтобы исключённый наконец занял своё законное место.

Второй том — это не просто продолжение первого. Это углубление в самую сердцевину системной работы, в то, с чего она должна начинаться и без чего она никогда не будет завер-

шена. Работа с исключением — это самая сложная, но и самая благодарная часть системного моделирования. Именно она приносит клиентам то глубокое облегчение, которое невозможно достичь никакими другими методами. Именно она позволяет системе обрести ту целостность, которая была утрачена, но никогда не переставала быть необходимой для здорового функционирования.

Мы надеемся, что этот том станет для вас не просто источником знаний, но и руководством к действию, которое поможет вам стать более эффективным и более чутким расстановщиком. Пусть каждый исключённый найдёт своё место, каждая тайна будет названа, а каждое непрожитое горе будет оплакано. Именно в этом и состоит наша общая задача — восстановление целостности систем, к которым мы имеем честь прикасаться в нашей профессиональной деятельности. С этого начинается второй том.

Феноменология исключения

Механизм исключения в распределённом реестре

Закон Принадлежности, как было установлено в первом томе, является фундаментальным условием целостности любого распределённого реестра. Система, в которой все значимые элементы зафиксированы в реестре и имеют легитимный статус, способна к здоровому саморегулированию, адекватному принятию решений и устойчивому развитию. Однако на практике мы постоянно сталкиваемся с системами, где те или иные элементы — люди, события, отношения — оказываются исключёнными из легитимного реестра по самым разным причинам. Именно это нарушение Закона Принадлежности и порождает те глубокие системные дисфункции, которые составляют основную проблематику расстановочной работы.

Исключение, как мы уже показали во введении ко второму тому, не уничтожает информацию об элементе, а переводит её в разряд «нелегитимной», «запрещённой» или «несуществующей». Элемент не исчезает из распределённого реестра, но его запись получает маркировку, которая делает её недоступной для открытой верификации и полноценного участия в процессах консенсуса. Это фундаментальное положение вытекает из принципа неизменяемости базового факта: событие, однажды зафиксированное в реестре как значимое, не может быть стёрто, оно может быть только маркировано иным образом. Именно эта маркировка и создаёт ту особую информационную структуру, которая продолжает влиять на систему из тени.

Первым шагом к пониманию механизма исключения является осознание того, что исключённый элемент не просто «отсутствует» в системе — он присутствует в ней в особой, искажённой форме. Система не может полностью игнорировать информацию, которая когда-то была в неё записана, даже если она пытается сделать вид, что этой информации не существует. Принцип распределённого хранения и верификации гарантирует, что информация об исключённом элементе сохраняется в других носителях — в памяти живых членов системы, в семейных артефактах, в ритуалах и в тех невысказанных правилах, которые определяют системную коммуникацию.

Именно это противоречие между попыткой исключить информацию и её фактическим сохранением в реестре и создаёт то напряжение, которое мы называем фантомным узлом. Фантомный узел — это не просто «дыра» в реестре, а активная информационная сущность, которая продолжает притягивать внимание системы, требовать своего признания и стремиться к легитимации. Связи этого узла с другими элементами системы остаются незавершёнными, и эти незавершённые связи, или «висячие связи», создают в реестре структурные напряжения, которые система пытается разрешить доступными ей способами.

Одним из таких способов является бессознательный поиск заместителя — живого члена системы, который займёт место исключённого элемента и попытается завершить его незавершённые транзакции. Этот процесс замещения и лежит в основе феномена идентификации, когда потомок бессознательно перенимает характеристики, эмоции, симптомы и даже судьбу исключённого предка. Системная лояльность, в свою очередь, закрепляет эту идентификацию, заставляя человека отказываться от собственного счастья, успеха и здоровья «ради» того, кто был исключён из легитимного реестра.

Понимание механизма исключения позволяет расстановщику перейти от простого констатирования «здесь кого-то не хватает» к точной диагностике того, как именно этот отсутствующий элемент влияет на систему. Наблюдение за пространственной конфигурацией репрезентаторов, за их телесными реакциями, за направлениями взглядов и за импульсами к движению даёт ключ к выявлению фантомных узлов и висячих связей. Это знание превращает расстановку из интуитивного поиска в целенаправленную работу с информационной структурой распределённого реестра.

Восстановление Принадлежности исключённого элемента всегда является первым шагом в системной коррекции, предшествующим работе с иерархическими нарушениями, дисбалансами и «слепыми зонами». Без этого шага все последующие интервенции теряют свою опору, потому что система продолжает функционировать с неполным, искажённым реестром. Именно поэтому понимание механизма исключения и умение диагностировать его проявления является необходимым условием для эффективной расстановочной работы и составляет основное содержание данной главы.

«Фантомный узел» и «висячие связи»

Когда система исключает какой-либо значимый элемент из своего легитимного реестра, этот элемент не исчезает бесследно, вопреки распространённому заблуждению, будто «забытое» перестаёт существовать. Принцип неизменяемости базового факта, установленный в первом томе, категорически запрещает подобное исчезновение: информация, однажды зафиксированная в распределённом реестре как значимая, не может быть стёрта или аннулирована. Вместо исчезновения происходит трансформация статуса записи — элемент переходит из разряда «легитимных» и «признанных» в разряд «нелегитимных», «запрещённых» или «несуществующих». Именно эта трансформация и порождает феномен, который мы называем фантомным узлом.

Фантомный узел представляет собой информационную сущность, которая продолжает существовать в распределённом реестре, но лишена легитимного статуса, необходимого для полноценного участия в системных процессах. Подобно тому как в компьютерной системе удалённый файл может оставаться на жёстком диске до тех пор, пока его место не будет перезаписано новой информацией, исключённый элемент продолжает занимать своё место в реестре, но это место становится «теньвым», недоступным для прямого обращения. Система не может просто игнорировать эту запись, потому что она связана с другими записями множеством нитей, образующих ткань системной памяти.

Принцип распределённого хранения и верификации гарантирует, что информация об исключённом элементе сохраняется во множестве независимых носителей, даже если система предпринимает активные попытки её уничтожить или скрыть. Живые члены системы могут хранить память о нём в своих нейробиологических структурах и психологических установках; семейные артефакты — фотографии, письма, документы — продолжают свидетельствовать о его существовании; ритуалы и невысказанные правила коммуникации воспроизводят его влияние, даже когда его имя не произносится вслух. Именно эта множественность носителей и делает фантомный узел столь устойчивым к попыткам его «забыть».

Фантомный узел не является пассивным образованием, которое просто «лежит» в реестре и ждёт своего часа. Это активная информационная структура, которая продолжает оказывать влияние на системную динамику, притягивая к себе внимание и энергию системы.

Система, стремясь к целостности, бессознательно «чувствует» присутствие этого узла и пытается с ним взаимодействовать, даже если сознательно отрицает его существование. Это проявляется в необъяснимых ощущениях, в странных совпадениях, в повторяющихся снах и в тех смутных чувствах «чего-то не так», которые часто сопровождают членов систем с исключёнными элементами.

Точно так же, как живой организм реагирует на инородное тело, пытаясь его изолировать или вывести, система реагирует на фантомный узел, создавая вокруг него зону напряжения и избегания. Эта зона проявляется в виде запретных тем, неловких пауз, отведённых взглядов и той особой атмосферы, которая возникает при случайном приближении к запретному. Члены системы могут не знать, что именно вызывает это напряжение, но они его чувствуют и избегают тех областей коммуникации, которые могут привести к его обострению. Именно это избегание и создаёт ту ригидность системной коммуникации, которая часто является первым признаком наличия фантомного узла.

Висячие связи являются вторым ключевым элементом механизма исключения и представляют собой незавершённые транзакции между фантомным узлом и другими элементами системы. Когда элемент был исключён из легитимного реестра, все те связи, которые соединяли его с живыми членами системы, не были должным образом завершены — они остались «висеть» в информационном пространстве, не имея ни легитимного статуса, ни возможности быть завершёнными обычным путём. Эти висячие связи подобны оборванным нитям, которые продолжают тянуть систему в разных направлениях, создавая хроническое напряжение.

Связи фантомного узла с другими элементами остаются незавершёнными, потому что исключение лишило их возможности быть верифицированными через открытую коммуникацию и консенсусное подтверждение. В здоровой системе любая значимая транзакция должна быть завершена через признание, благодарность, оплакивание или иной ритуал, который подтверждает её завершённость. Когда элемент исключён, этот ритуал не может быть проведён, потому что исключённый элемент не имеет легитимного статуса, позволяющего участвовать в системных ритуалах. Транзакции остаются открытыми, и их энергия продолжает циркулировать в системе, создавая напряжение и искажения.

Висячие связи проявляются в системной динамике как постоянное, хотя и неосознаваемое, притяжение между фантомным узлом и теми элементами, которые были с ним связаны при жизни. Члены системы могут испытывать необъяснимое влечение к определённым темам, местам или людям, которые символически связаны с исключённым элементом. Они могут повторять его привычки, испытывать его эмоции, попадать в те же жизненные ситуации, которые он переживал. Всё это — проявления висячих связей, которые тянут систему к завершению незавершённого, даже если она не осознаёт, что именно пытается завершить.

Энергия висячих связей не исчезает со временем; напротив, она может накапливаться и усиливаться, особенно если исключение сопровождалось сильными эмоциональными зарядами. Травматическое событие, связанное с исключением, «замораживает» оценку и эмоциональный заряд, делая висячие связи особенно интенсивными и устойчивыми. Чем более значимым был исключённый элемент и чем более драматичными были обстоятельства его исключения, тем более мощными будут висячие связи, и тем больше энергии система будет тратить на их поддержание и избегание.

Система, столкнувшись с фантомным узлом и висячими связями, не может просто игнорировать это структурное нарушение — она бессознательно стремится заполнить образовавшуюся вакансию. Это стремление к целостности является фундаментальным свойством любой системы, вытекающим из самой её природы как целостного образования. Подобно тому как организм стремится залечить рану, система стремится восстановить полноту своего реестра, и это стремление проявляется в бессознательном поиске заместителя для исключённого элемента.

Поиск заместителя происходит через механизм, который в расстановочной литературе часто называют «идентификацией». Живой член системы, чаще всего ребёнок или потомок, бессознательно перенимает характеристики исключённого элемента, занимает его место в системной иерархии и начинает выполнять его функции. Этот процесс не является результатом сознательного выбора; он происходит автоматически, как следствие структурной необходимости системы заполнить пустоту, и ребёнок, оказавшийся в этой позиции, часто не осознаёт, что он замещает кого-то другого.

Замещение исключённого элемента через идентификацию всегда связано с определённой ценой для того, кто занимает это место. Ребёнок, который бессознательно замещает исключённого предка, вынужден нести его эмоциональный груз, повторять его жизненные сценарии и отказываться от собственных желаний и потребностей. Он может испытывать те же симптомы, что и исключённый, попадать в те же жизненные ситуации и даже умирать в том же возрасте. Эта цена является платой за восстановление системной целостности, но она ложится на плечи того, кто не делал сознательного выбора.

Системная лояльность является обратной стороной механизма замещения и представляет собой бессознательную верность исключённому элементу, которая закрепляет идентификацию и делает её устойчивой. Человек, идентифицированный с исключённым, не может отказаться от этой идентификации без чувства вины и предательства, потому что его бессознательное воспринимает отказ как измену тому, кто был исключён. Эта лояльность может быть настолько сильной, что человек саботирует собственные достижения, разрушает отношения и отказывается от возможностей, которые другие сочли бы даром судьбы.

Лояльность исключённому элементу часто принимает форму запрета на счастье, успех или здоровье — как будто человек говорит себе: «Я не имею права быть счастливее, успешнее, здоровее того, кто был исключён». Этот запрет может быть совершенно неосознаваемым и проявляться в виде странных неудач, возникающих на пике успеха, или в виде хронических заболеваний, которые не поддаются лечению. Диагностика этого запрета является одной из важнейших задач системного аудита, потому что именно он часто лежит в основе тех проблем, с которыми клиенты приходят к расстановщику.

В расстановочной работе фантомные узлы и висячие связи проявляются в виде характерных пространственных конфигураций и телесных реакций репрезентаторов. Репрезентаторы могут испытывать необъяснимое желание смотреть в пустой угол комнаты, где, по их ощущениям, «кто-то стоит». Они могут чувствовать пустоту, холод, тяжесть или иное телесное ощущение, которое не связано ни с одной из введённых фигур. Они могут спонтанно поворачиваться в определённую сторону или испытывать импульс отойти от того места, которое они занимают. Все эти проявления являются прямым указанием на присутствие фантомного узла, который ещё не был введён в модель.

Когда расстановщик вводит фигуру, соответствующую фантомному узлу, происходит характерная реакция модели. Репрезентаторы, которые до этого испытывали пустоту или тяжесть, могут почувствовать облегчение, их позы могут измениться, дыхание стать глубже. Они могут начать двигаться по направлению к новой фигуре или, напротив, отдалиться от неё, но уже без того напряжения, которое было до этого. Эта реакция является подтверждением того, что гипотеза об исключении была верна и что фантомный узел нашёл своё легитимное место в модели.

Важно понимать, что введение фигуры исключённого элемента не является автоматическим решением проблемы; оно лишь создаёт условия для завершения висячих связей. Для того чтобы висячие связи действительно были завершены, необходимо провести полноценную коррекционную интервенцию, которая включает признание исключённого, возвращение ему имени и достоинства, а также нахождение для него уважительного места в системной иерархии. Только после этого энергия висячих связей может быть высвобождена, и система перестанет тратить ресурсы на их поддержание.

Фантомные узлы и висячие связи не являются статическими образованиями; они могут активироваться и деактивироваться в зависимости от системной динамики и внешних обстоятельств. В периоды кризиса или переходных состояний системы фантомные узлы могут становиться более активными, проявляясь в усилении симптомов или в возникновении новых конфликтов. Транзиты и планетарные периоды также могут активировать определённые фантомные узлы, делая их более доступными для диагностики и коррекции. Понимание этой динамики позволяет расстановщику выбирать оптимальное время для работы с исключением.

Для практикующего расстановщика понимание механизма фантомных узлов и висячих связей означает, что он должен постоянно держать в уме вопрос: «Кого здесь не хватает? Чей голос звучит в этом симптоме? Чья незавершённая транзакция ищет своего завершения?». Этот вопрос должен стать рефреном всей его работы, потому что именно исключение, как мы увидим в последующих главах, является наиболее частой и наиболее глубокой причиной системных дисфункций. Без ответа на этот вопрос расстановка рискует остаться на поверхности, работая со следствиями, а не с причинами.

Диагностика фантомных узлов требует от расстановщика не только знания теории, но и развитой сенсорной чувствительности, умения считывать тонкие сигналы, которые подаёт модель. Иногда фантомный узел проявляется через едва заметное движение репрезентатора, через изменение его дыхания, через микро-напряжение в его теле. Иногда он проявляется через то, что репрезентатор не может найти себе места, постоянно меняет позу или хочет покинуть пространство. Задача расстановщика — заметить эти сигналы, расшифровать их и перевести на язык системной диагностики.

Наконец, важно понимать, что работа с фантомными узлами и висячими связями — это не просто техническая процедура, а глубокий этический акт. Восстановление принадлежности исключённого элемента означает признание его человеческого достоинства, возвращение ему права на существование в системной памяти. Это акт справедливости по отношению к тому, кто был несправедливо исключён, и акт исцеления для тех, кто бессознательно нёс его бремя. Именно поэтому работа с исключением является не только самой сложной, но и самой благодарной частью системного моделирования, приносящей клиентам то глубокое облегчение, которое невозможно достичь никакими другими методами.

Необходимо подчеркнуть, что фантомный узел и висячие связи являются ключевыми понятиями для понимания механизма исключения в распределённом реестре. Исключённый элемент не исчезает из реестра, а переходит в статус фантомного узла — информационной сущности, которая продолжает существовать, но лишена легитимного статуса. Связи этого фантомного узла с другими элементами остаются незавершёнными, создавая висячие связи, которые продолжают влиять на системную динамику и требовать своего завершения. Система бессознательно стремится заполнить эту вакансию через механизм идентификации и системной лояльности, что часто приводит к хроническим дисфункциям и симптомам у живых членов системы.

Диагностика фантомных узлов и висячих связей требует от расстановщика внимания к пространственным конфигурациям, телесным реакциям и импульсам репрезентаторов, а также готовности вводить фигуры, которые не были названы клиентом. Восстановление принадлежности через введение исключённой фигуры и завершение висячих связей является необходимым условием для системной коррекции, без которого все последующие шаги теряют свою опору. Понимание этого механизма превращает расстановку из интуитивного поиска в целенаправленную работу с информационной структурой распределённого реестра и даёт расстановщику ключ к наиболее глубоким и устойчивым изменениям в системах его клиентов.

Идентификация и системная лояльность

Когда система исключает значимый элемент из своего легитимного реестра, она создаёт структурную пустоту, которая не может оставаться незаполненной. Принцип целостности, присущий любой системе как динамическому образованию, требует восстановления полноты реестра любыми доступными средствами. Поскольку исключённый элемент не может быть возвращён в реестр прямым путём — запрет на его признание продолжает действовать, — система прибегает к обходному механизму, который мы называем идентификацией. Этот механизм позволяет системе сохранить информацию об исключённом элементе, не нарушая при этом формального запрета на его признание.

Идентификация представляет собой бессознательный процесс, при котором живой член системы, чаще всего потомок, перенимает характеристики, эмоции, симптомы и даже целые жизненные сценарии исключённого элемента. Этот процесс не является результатом сознательного выбора или осознанного решения; он происходит автоматически, как следствие структурной необходимости системы заполнить пустоту, оставленную исключением. Потомок, оказавшийся в этой позиции, обычно не осознаёт, что он замещает кого-то другого, и воспринимает свои переживания и поведение как собственные, не замечая их чуждого происхождения.

Механизм идентификации становится возможным благодаря распределённому характеру системной памяти, описанному в первом томе. Информация об исключённом элементе продолжает храниться во множестве носителей — в нейробиологических структурах живых членов системы, в семейных артефактах, в ритуалах и невысказанных правилах коммуникации. Потомок, включённый в эту информационную сеть, бессознательно считывает эту информацию и начинает воспроизводить её в своей собственной жизни, даже не подозревая о её происхождении. Именно эта распределённость и делает идентификацию столь устойчивой и столь трудно поддающейся осознанию.

Идентификация может принимать различные формы в зависимости от того, какой именно аспект исключённого элемента перенимается.

Наиболее распространённая форма — эмоциональная идентификация, при которой потомок бессознательно испытывает те же чувства, которые испытывал исключённый: его страх, его гнев, его тоску, его чувство вины. Эти эмоции не имеют объективных причин в текущей жизни потомка, но они возникают снова и снова, создавая хронический эмоциональный фон, который часто воспринимается как «просто характер» или «натура такая». Диагностика этой формы идентификации требует внимания к необъяснимым эмоциональным реакциям, которые не находят рационального объяснения.

Вторая форма идентификации — симптоматическая, при которой потомок перенимает телесные или психические симптомы исключённого элемента. Это может быть та же болезнь, то же расстройство, та же зависимость, которые мучили исключённого при жизни, или их символические эквиваленты. Человек может страдать от хронической головной боли, хотя его исключённый предок умер от опухоли мозга; он может иметь проблемы с сердцем, хотя его дед умер от сердечного приступа. Эти симптомы не поддаются лечению стандартными методами, потому что их причина лежит не в теле пациента, а в системной динамике, которая продолжает воспроизводить паттерн исключённого.

Третья форма идентификации — судьбоносная, при которой потомок бессознательно повторяет ключевые события жизненного сценария исключённого элемента. Он может развиться в том же возрасте, в котором развёлся исключённый предок; он может терять работу или состояние в тех же обстоятельствах; он может даже умереть в том же возрасте, от той же причины. Эти повторения не являются результатом сознательного выбора; они происходят как будто сами собой, вопреки всем сознательным усилиям человека избежать подобной участи. Диагностика этой формы идентификации требует внимания к повторяющимся паттернам в биографии клиента и их сопоставления с судьбами исключённых предков.

Четвёртая форма идентификации — ролевая, при которой потомок бессознательно занимает функциональное место исключённого элемента в системе, выполняя его функции и неся его ответственность. Ребёнок может стать «маленьким мужчиной» или «маленькой женщиной», замещая отсутствующего или недееспособного родителя; сотрудник может взять на себя функции уволенного начальника; член семьи может стать «козлом отпущения», замещая того, кто был исключён за свои «грехи». Эта форма идентификации особенно трудна для диагностики, потому что она часто воспринимается как «зрелость», «ответственность» или «забота», а не как системный симптом.

Идентификация всегда связана с определённой ценой для того, кто её несёт, и эта цена может быть очень высокой. Человек, идентифицированный с исключённым элементом, вынужден нести его эмоциональный груз, который может быть непосильным для его психики. Он может страдать от хронического чувства вины, которое не имеет объективных причин; от необъяснимой тоски, которая не проходит со временем; от страха, который парализует его жизнь. Все эти переживания не являются его собственными, но он не знает этого и воспринимает их как часть себя, что делает их особенно трудными для преодоления.

Идентификация может передаваться через поколения, даже когда непосредственные носители информации уже ушли из жизни. Внук может повторять судьбу деда, о котором в семье никогда не говорили; племянница может повторять судьбу тёти, чьё имя было вычерк-

нуто из семейной истории. Идентификация не требует знания; она передаётся через невербальные сигналы, через семейную атмосферу, через те странные сходства, которые никто не может объяснить. Именно поэтому работа с системной хронологией так важна: часто только восстановление истории, только возвращение имени исключённому элементу позволяет разорвать цепь идентификации и освободить потомка от бремени чужой судьбы.

Системная лояльность является обратной стороной идентификации и представляет собой бессознательную верность исключённому элементу, которая закрепляет идентификацию и делает её устойчивой. Лояльность проявляется в том, что человек не может позволить себе быть счастливее, успешнее или здоровее того, с кем он идентифицирован. Он как бы говорит: «Я не имею права на то, что было запрещено тебе», «Я останусь верен тебе, даже ценой собственной жизни», «Я буду страдать вместо тебя, чтобы тебе стало легче». Эта лояльность может быть настолько сильной, что человек саботирует собственные достижения, разрушает отношения и отказывается от возможностей, которые другие сочли бы даром судьбы.

Лояльность исключённому элементу является формой компенсации нарушения Закона Принадлежности, которое система совершила, исключив этот элемент из своего легитимного реестра. Система, лишившая элемент его законного места, бессознательно чувствует вину и стремится компенсировать эту несправедливость через лояльность потомков. Потомок, идентифицированный с исключённым, становится живым напоминанием о том, что система не может забыть того, кого она исключила; он несёт в себе память о несправедливости и требует её признания. Эта лояльность является одновременно и наказанием за исключение, и призывом к его исправлению.

Лояльность исключённому может проявляться в самых разных формах, от очевидных до совершенно скрытых. Наиболее явная форма — открытое почитание исключённого, когда потомок сознательно идентифицируется с ним и делает его своим идеалом или примером для подражания. Однако значительно чаще лояльность проявляется в скрытых формах: в хроническом чувстве вины, которое мешает человеку радоваться успеху; в неспособности принять помощь или подарок; в страхе перед счастьем, который заставляет саботировать удачные возможности; в повторяющихся неудачах, которые возникают на пике успеха. Все эти проявления являются голосом лояльности, которая требует своей компенсации.

Особенно сильной лояльность становится в тех случаях, когда исключение сопровождалось насилием, несправедливостью или трагической смертью. Чем более драматичным было исключение, тем более мощной будет лояльность потомков, и тем более тяжёлыми будут её последствия. Система как бы говорит: «Мы не можем вернуть тебе твою жизнь, но мы можем сделать так, чтобы твоя судьба не была забыта». Эта компенсация через лояльность является единственным доступным для системы способом сохранить связь с исключённым, но она же и становится источником хронических дисфункций, которые передаются из поколения в поколение.

Диагностика идентификации и системной лояльности является одной из важнейших задач системного аудита, потому что именно эти феномены чаще всего приводят клиентов к расстановщику. Клиент может жаловаться на хроническую неудачу в карьере, но за этой неудачей может стоять идентификация с исключённым предком, который был несправедливо уволен или разорён. Клиент может жаловаться на повторяющиеся разрывы в отношениях, но за этим может стоять идентификация с исключённой любовью, которой было отказано в праве на счастье. Клиент может жаловаться на депрессию или тревогу, но за этим может стоять иденти-

фикация с исключённым ребёнком, чья смерть не была оплакана. Симптом всегда указывает на исключение, и задача расстановщика — проследить эту связь.

В расстановочной работе идентификация проявляется в том, как репрезентатор, стоящий на месте идентифицированного потомка, чувствует себя и как он взаимодействует с другими фигурами. Он может испытывать те же ощущения, которые должны быть у исключённого элемента — тяжесть, холод, пустоту, желание отвернуться или уйти. Он может спонтанно принимать позы, характерные для исключённого, или повторять его жесты. Его взгляд может быть направлен на исключённую фигуру, даже если она ещё не введена в модель. Все эти проявления являются прямым указанием на то, что идентификация имеет место и что она требует внимания.

Разрыв идентификации и освобождение от лояльности являются одной из главных целей коррекционной интервенции при работе с исключением. Этот процесс включает несколько этапов, каждый из которых требует своего времени и своих техник. Первый этап — осознание идентификации, когда клиент узнаёт о существовании исключённого элемента и о том, что он бессознательно замещает его место. Второй этап — признание исключённого, когда клиент произносит его имя, признаёт его существование и его право на место в системе. Третий этап — разрыв идентификации, когда клиент символически возвращает исключённому его судьбу и освобождается от необходимости её нести.

Ключевая фраза для разрыва идентификации звучит примерно так: «Я уважаю твою судьбу, но она не моя. Я возвращаю тебе твою боль, твою вину, твою смерть. Я живу свою жизнь, а ты живёшь свою». Эта фраза произносится с чувством и сопровождается символическим действием — поклоном, возложением руки на сердце, возвращением воображаемого предмета. После этого клиент часто чувствует облегчение, тепло, свободу — те ощущения, которые указывают на то, что идентификация разорвана и что энергия, которая была заморожена в ней, высвободилась.

Важно понимать, что разрыв идентификации не означает отрицания связи с исключённым или забвения его судьбы. Напротив, он означает признание этой связи, но в правильной, здоровой форме. Клиент может продолжать помнить об исключённом, может даже почитать его память, но он больше не должен нести его судьбу, испытывать его эмоции и повторять его сценарии. Связь остаётся, но она перестаёт быть патологической идентификацией и становится здоровым признанием принадлежности. Именно это различие и является ключевым для понимания того, что такое подлинное исцеление системной травмы.

Системная лояльность, как и идентификация, не исчезает мгновенно после одной расстановки; она требует времени и постоянной работы по закреплению нового паттерна. Клиент может обнаружить, что после расстановки его состояние улучшилось, но через некоторое время старые паттерны возвращаются в ослабленной форме. Это не означает, что расстановка «не сработала»; это означает, что лояльность была глубоко укоренена в системе и что для её полного преодоления требуется время. Интеграционные якоря помогают закрепить новый паттерн и дают клиенту инструменты для работы с возвращающимися старыми реакциями.

Для практикующего расстановщика понимание идентификации и системной лояльности означает, что он должен уметь видеть за симптомами клиента не его личную историю, а историю системы, в которую он включён. Когда клиент жалуется на хроническую усталость, не нужно сразу искать причины в его образе жизни; нужно спросить: «Чью усталость ты носишь?»

Кто в твоей системе был истощён, загнан, перегружен?». Когда клиент жалуется на повторяющиеся неудачи, не нужно сразу анализировать его стратегии; нужно спросить: «Чью неудачу ты повторяешь? Кто в твоей системе потерпел крах и был забыт?». Именно эти вопросы открывают путь к системной диагностике и к освобождению от бремени чужой судьбы.

Таким образом, идентификация и системная лояльность являются закономерными следствиями исключения в распределённом реестре и представляют собой бессознательные механизмы, с помощью которых система пытается восстановить свою целостность. Потомок бессознательно перенимает характеристики исключённого элемента, и эта идентификация проявляется в симптомах, эмоциях и повторяющихся судьбах, которые не находят рационального объяснения в его личной истории. Лояльность исключённому является формой компенсации нарушения Закона Принадлежности и закрепляет идентификацию, делая её устойчивой к прямым попыткам изменения. Диагностика этих феноменов и работа с их разрывом через признание исключённого элемента и возвращение ему его судьбы составляют одну из важнейших задач системной коррекции. Без освобождения от идентификации и лояльности клиент остаётся заложником чужой судьбы, и никакие индивидуальные усилия не смогут вернуть ему способность жить своей собственной жизнью.

Подводя итог главы, необходимо подчеркнуть, что механизм исключения в распределённом реестре является фундаментальным для понимания системных дисфункций и составляет основу для всей последующей работы с Законом Принадлежности. Исключённый элемент не исчезает из реестра, а переходит в статус фантомного узла — информационной сущности, которая продолжает существовать, но лишена легитимного статуса и полноценного участия в системных процессах. Связи этого фантомного узла с другими элементами остаются незавершёнными, создавая висячие связи, которые продолжают влиять на системную динамику и требовать своего завершения через постоянное напряжение и поиск заместителя среди живых членов системы. Принцип неизменяемости базового факта и принцип распределённого хранения и верификации, установленные в первом томе, объясняют, почему эта информация не может быть просто стёрта и продолжает существовать в реестре, даже когда система предпринимает активные попытки её скрыть или уничтожить.

Идентификация и системная лояльность являются теми механизмами, с помощью которых система бессознательно пытается заполнить пустоту, оставленную исключением. Потомок перенимает характеристики исключённого элемента, и эта идентификация проявляется в симптомах, эмоциях и повторяющихся судьбах, которые не находят рационального объяснения в его личной истории. Лояльность исключённому закрепляет эту идентификацию и превращает её в хронический паттерн, который может передаваться через поколения, даже когда непосредственные носители информации уже ушли из жизни. Именно эти механизмы делают исключение столь устойчивым и столь трудно поддающимся коррекции, потому что они действуют на бессознательном уровне, минуя сознательный контроль и рациональное осмысление.

Понимание механизма исключения даёт расстановщику ключ к диагностике и коррекции наиболее глубоких системных дисфункций. Наблюдение за пространственными конфигурациями, телесными реакциями и импульсами репрезентаторов позволяет выявить фантомные узлы и висячие связи, которые не видны при поверхностном анализе. Работа с идентификацией и системной лояльностью через признание исключённого элемента и возвращение ему его судьбы открывает путь к освобождению клиента от бремени чужой судьбы. Без этого понимания расстановка рискует остаться на поверхности, работая со следствиями, а не с причи-

нами системных нарушений, и тогда даже самые красивые разрешающие образы не приведут к устойчивым изменениям в реальной жизни клиента.

Диагностика фантомных узлов и висячих связей требует от расстановщика не только знания теории, но и развитой сенсорной чувствительности, умения считывать тонкие сигналы, которые подаёт модель. Иногда фантомный узел проявляется через едва заметное движение репрезентатора, через изменение его дыхания, через микро-напряжение в его теле, через необъяснимое желание смотреть в пустой угол или покинуть пространство. Задача расстановщика — заметить эти сигналы, расшифровать их и перевести на язык системной диагностики, а затем использовать это знание для целенаправленной коррекционной интервенции, которая вернёт исключённому элементу его законное место в реестре и освободит систему от хронического напряжения.

Восстановление Принадлежности исключённого элемента всегда является первым шагом в системной коррекции, предшествующим работе с иерархическими нарушениями, дисбалансами и «слепыми зонами». Без этого шага все последующие интервенции теряют свою опору, потому что система продолжает функционировать с неполным, искажённым реестром, и любые попытки восстановить порядок, равновесие или смысл будут блокироваться висячими связями и лояльностью к исключённому. Именно поэтому понимание механизма исключения и умение диагностировать его проявления является необходимым условием для эффективной расстановочной работы, и именно с этого начинается подлинное исцеление системных травм, передающихся из поколения в поколение.

Типология исключённых фигур

В первой главе мы рассмотрели общий механизм исключения в распределённом реестре и показали, как фантомные узлы и висячие связи создают структурные напряжения, которые система пытается разрешить через идентификацию и системную лояльность. Мы установили, что исключённый элемент не исчезает бесследно, а продолжает влиять на системную динамику из тени, требуя своего признания и завершения незавершённых транзакций. Однако механизм исключения остаётся абстрактным, пока мы не обратимся к его конкретным проявлениям — к тем типам фигур, которые наиболее часто оказываются исключёнными из легитимного реестра в различных системах. Понимание этой типологии является следующим шагом на пути к практической диагностике и коррекции.

Исключение никогда не происходит в вакууме; оно всегда принимает определённую форму, которая определяется культурным контекстом, историческими обстоятельствами и конкретной динамикой данной системы. В одних случаях исключение осуществляется через табуирование — полный запрет на упоминание элемента, его имени и связанных с ним событий. В других случаях исключение принимает форму стигматизации, когда элемент фиксируется в реестре, но с негативной маркировкой, лишаящей его права на уважение и благодарность. В третьих случаях исключение происходит через институциональное забвение, когда целые группы людей или событий вычёркиваются из официальной истории организации или сообщества. Каждая из этих форм имеет свои механизмы поддержания, свои психологические последствия и требует своих способов коррекции.

Табуирование является наиболее радикальной формой исключения, при которой информация об элементе переводится в разряд «несуществующей» и полностью исключается из открытой коммуникации. Эта форма исключения особенно характерна для семейных систем, где темы насилия, самоубийств, психических заболеваний, внебрачных связей и аборт становятся запретными для обсуждения. Табуирование требует от системы постоянных энергетических затрат на поддержание запрета и создаёт в реестре наиболее глубокие и трудно диагностируемые «дыры». Именно табуированные фигуры чаще всего становятся теми фантомными узлами, которые оказывают наиболее мощное и разрушительное влияние на последующие поколения.

Стигматизация представляет собой более мягкую, но не менее разрушительную форму исключения, при которой элемент сохраняется в реестре, но с негативной маркировкой, исключающей уважительное отношение. В отличие от табуирования, стигматизация позволяет системе «знать» об исключённом элементе, но это знание используется для укрепления системных границ и поддержания иерархии, а не для интеграции. Стигматизированные фигуры становятся «козлами отпущения», «пугалами» или «предостережениями», чья судьба служит примером того, чем нельзя быть и что нельзя делать. Эта форма исключения особенно коварна, потому что она создаёт иллюзию принадлежности, маскируя подлинное исключение за фасадом «знания» и «памяти».

Институциональное забвение является формой исключения, характерной для организационных и социальных систем, где целые группы людей или события вычёркиваются из официальной истории. Эта форма исключения может быть результатом сознательной политики, направленной на создание «правильной» версии прошлого, или результатом коллективного отрицания травматического опыта. В обоих случаях институциональное забвение создаёт в

организационном реестре те же фантомные узлы и висячие связи, что и в семейной системе, и ведёт к тем же системным дисфункциям — повторяющимся ошибкам, хроническим конфликтам и блокировке развития.

В данной главе мы последовательно рассмотрим три основные формы исключения — табуирование, стигматизацию и институциональное забвение — и покажем, как каждая из них проявляется в различных типах систем. Мы опишем типичные фигуры, которые оказываются исключёнными через каждую из этих форм, и проанализируем системные последствия каждого типа исключения. Это знание позволит расстановщику более точно диагностировать характер исключения в каждом конкретном случае и выбирать наиболее адекватные интервенции для его коррекции, что является необходимым условием для эффективной работы с Законом Принадлежности.

Исключение через табуирование

Табуирование представляет собой наиболее радикальную и одновременно наиболее распространённую форму исключения в семейных и родовых системах, при которой информация об элементе полностью переводится в разряд «несуществующей». В отличие от других форм исключения, где элемент может сохраняться в реестре с негативной маркировкой, табуирование предполагает его фактическое исчезновение из открытой коммуникации — имя не произносится, события не обсуждаются, а все напоминания о существовании элемента систематически уничтожаются или прячутся.

Этот запрет поддерживается всей системой через молчаливый сговор, который становится настолько привычным, что новые поколения часто даже не подозревают о существовании того, кто был исключён. Принцип консенсусного подтверждения через воспроизведение, описанный в первом томе, действует здесь в обратную сторону: система коллективно подтверждает несуществование элемента через совместное молчание и избегание, и этот процесс требует не меньших энергетических затрат, чем открытое признание.

Запрет на произнесение имени или упоминание события является первым и наиболее явным признаком табуирования, который может быть выявлен при системном аудите. Когда клиент рассказывает о своей семье и внезапно запинается, отводит взгляд, меняет тему или говорит «это не важно», «об этом не принято говорить», — это прямой указатель на возможное табу. Имя исключённого может быть вычеркнуто из всех семейных документов, не упоминаться в разговорах, а любые попытки его произнести встречаются явным или скрытым сопротивлением. В некоторых случаях имя даже не известно последующим поколениям — оно было стёрто из памяти настолько тщательно, что сохранилось только в виде смутного ощущения, что «кто-то был», но кто именно — никто не помнит. Именно эта потеря имени и делает табуирование столь эффективным и столь разрушительным для системной целостности.

Табуирование имени имеет глубокие психологические последствия для всех членов системы, потому что имя является не просто словом, а носителем идентичности, связи и памяти. Когда имя исключается из реестра, исключается и сама возможность отношения к этому человеку как к личности — он превращается в безликую тень, о которой нельзя говорить, но которая продолжает влиять на систему через фантомные узлы и висячие связи. Потомки могут чувствовать странную тоску при упоминании определённых дат или мест, не зная, что эти даты и места связаны с тем, чьё имя было стёрто из семейной памяти. Могут возникать необъяснимые страхи, связанные с профессиями, местами или обстоятельствами, которые

напоминают о судьбе исключённого, хотя сам исключённый никогда не был назван. Всё это — следствия того, что имя, как ключевой носитель системной информации, было изъято из легитимного обращения.

Запрет на упоминание события часто оказывается даже более разрушительным, чем запрет на имя, потому что событие связывает исключённого с другими элементами системы и создаёт контекст для понимания его судьбы. Когда событие табуируется, система теряет не только знание о конкретном человеке, но и понимание тех обстоятельств, которые привели к его исключению, и тех последствий, которые это исключение имело для системы. Табуированное событие становится «чёрной дырой» в системной хронологии, вокруг которой образуется зона молчания, и эта зона расширяется, захватывая всё больше связанных с событием тем. В результате целые периоды семейной истории могут оказаться под запретом, и последующие поколения вырастают с фрагментированным, искажённым пониманием своего прошлого.

Уничтожение или сокрытие фотографий, документов и материальных артефактов является вторым ключевым механизмом табуирования и представляет собой попытку системы удалить все физические свидетельства существования исключённого элемента. Фотографии вырезаются из альбомов или переворачиваются лицом вниз; письма и документы сжигаются или прячутся в дальние ящики; личные вещи выбрасываются или передаются чужим людям. Этот процесс уничтожения артефактов является материальным воплощением табу и служит для системы способом «доказать» себе, что исключённого действительно «не было». Однако, как мы уже знаем из принципа распределённого хранения и верификации, уничтожение одного носителя не уничтожает информацию, которая сохраняется в других носителях — в памяти живых, в невысказанных правилах, в телесных симптомах потомков.

Уничтожение артефактов имеет парадоксальное последствие: оно не ослабляет, а усиливает власть фантомного узла, потому что создаёт в реестре зону таинственного отсутствия, которая притягивает внимание системы. Подобно тому как пустая рамка на стене привлекает взгляд сильнее, чем заполненная, отсутствие фотографий и документов становится своеобразным свидетельством того, что «здесь что-то было». Это отсутствие само по себе является информацией, которая передаётся следующему поколению через те странные пустоты в семейной истории, которые никто не может объяснить. Дети могут чувствовать, что «что-то не так», рассматривая семейный альбом с вырезанными страницами, и это чувство становится началом их собственного бессознательного поиска утраченной информации.

Скрытие артефактов может быть менее радикальным, чем их уничтожение, но не менее эффективным для поддержания табу. Фотографии могут быть спрятаны в дальний ящик, письма — заперты в сейф, документы — переданы на хранение чужим людям. Эта стратегия позволяет системе сохранить артефакты «на всякий случай», но при этом исключить их из активного обращения. Скрытые артефакты продолжают существовать как носители информации, но их статус становится нелегитимным — они не могут быть использованы для верификации системной памяти, но они продолжают хранить информацию, которая может быть активирована в определённых обстоятельствах. Иногда такие артефакты обнаруживаются случайно — при переезде, после смерти родственника, при разборе старых вещей, — и это обнаружение становится мощным катализатором для системной работы.

Скрытие артефактов часто сопровождается созданием альтернативных, «официальных» версий семейной истории, которые заменяют собой ту правду, которая была скрыта. Вместо фотографии исключённого может появиться пустое место или фотография другого чело-

века; вместо документов, подтверждающих его существование, могут быть созданы подложные бумаги; вместо рассказов о нём могут циркулировать вымышленные истории, которые маскируют подлинную судьбу. Эти альтернативные версии становятся частью распределённого реестра, и их верификация через консенсусное подтверждение делает их «реальными» для системы, даже если они не соответствуют фактическим событиям. Разрушение этих альтернативных версий является одной из сложнейших задач системной коррекции.

Молчаливый сговор о несуществовании элемента является третьим и наиболее устойчивым механизмом табуирования, который превращает индивидуальный запрет в коллективный феномен. Молчаливый сговор — это негласное соглашение всех членов системы не говорить об исключённом, не задавать вопросов, не проявлять интереса. Этот сговор не требует формальных правил или открытых обсуждений; он передаётся через невербальные сигналы — через те паузы, взгляды и интонации, которые возникают при случайном приближении к запретной теме. Новые члены системы, включая детей и супругов, быстро «считывают» этот сговор и начинают его соблюдать, даже не осознавая его существования как такового.

Молчаливый сговор особенно опасен тем, что он делает табу невидимым для самих участников системы, которые могут искренне считать, что «у нас нет никаких секретов». Они не говорят об исключённом не потому, что сознательно избегают этой темы, а потому что эта тема просто «не возникает» в их сознании, как будто её не существует. Это отсутствие осознания делает табуирование наиболее трудным для диагностики — клиент может совершенно искренне не знать о существовании исключённого элемента, но при этом нести его бремя в виде симптомов и повторяющихся сценариев. Только системный аудит, включающий анализ семейной хронологии и астрологической карты, позволяет выявить эти «невидимые» исключения, которые остаются невидимыми для самого клиента.

Поддержание молчаливого сговора требует от системы постоянных энергетических затрат, которые не видны невооружённым глазом, но ощутимы в виде хронического напряжения, присутствующего в системе. Члены системы могут не знать, что именно вызывает это напряжение, но они его чувствуют — в трудности собраться всем вместе, в бытовых ссорах на пустом месте, в общем ощущении, что «что-то не так». Это напряжение является ценой, которую система платит за поддержание табу, и оно может быть выше, чем цена признания, которое система так старательно избегает. Именно это напряжение и становится тем материалом, с которым работает расстановщик, когда он помогает системе выйти из молчаливого сговора и признать то, что было исключено.

Молчаливый сговор часто поддерживается через систему «семейных мифов» — историй, которые рассказываются вместо правды и которые служат для маскировки табуированного содержания. Эти мифы могут быть героическими, трагическими или романтическими, но их общая функция — заполнить пустоту, оставленную исключением, и предложить альтернативное объяснение тому, что произошло. Семейный миф о «проклятии рода» может маскировать табуированное самоубийство; миф о «героическом предке» может маскировать табуированное преступление; миф о «великой любви» может маскировать табуированное насилие. Разрушение этих мифов и возвращение к фактической истории является необходимой частью работы с табуированием.

Табуирование особенно характерно для тем, связанных с насилием, смертью, преступлением, психическими заболеваниями, зависимостями и сексуальностью — теми областями человеческого опыта, которые вызывают стыд, страх и желание скрыть. В разных культурах и в

разные исторические периоды набор табуируемых тем может меняться, но сам механизм остаётся неизменным: система пытается защитить себя от боли, исключая её источник из легитимного реестра. Однако эта защита оказывается иллюзорной, потому что исключение не устраняет боль, а лишь переводит её в хроническую форму, делая её более устойчивой и менее доступной для исцеления. Именно поэтому работа с табуированием является одной из самых сложных и одновременно самых необходимых в системной коррекции.

Диагностика табуирования требует от расстановщика внимания не только к тому, что говорит клиент, но и к тому, о чём он умалчивает, что он пропускает, что он называет «неважным». Табуирование часто проявляется в тех местах семейной истории, где есть явные пробелы — годы, о которых ничего не известно, события, которые описываются сбивчиво и противоречиво, фигуры, которые упоминаются вскользь и никогда не называются по имени. В астрологической карте табуирование часто коррелирует с сильным Нептуном в четвёртом, восьмом или двенадцатом доме, с ретроградным Меркурием в этих домах, с напряжёнными аспектами между Меркурием и Нептуном или Плутоном. Эти конфигурации указывают на размытую, мифологизированную семейную историю, где правда заменена легендой, а факты — вымыслом.

В расстановочной работе табуирование проявляется в том, как репрезентаторы реагируют на введение фигур, связанных с табуированной темой. Они могут испытывать сильное сопротивление, желание отвернуться или уйти, чувство страха или паники. Они могут не находить слов для описания своих ощущений, или их слова могут быть противоречивыми и сбивчивыми. Иногда репрезентаторы вообще не могут занять место, связанное с табуированной фигурой, потому что это место «пустое», «не существует» или «запрещено». Эти реакции являются прямым указанием на то, что система не готова к признанию исключённого, и что работа должна начинаться с подготовки почвы для этого признания.

Коррекция табуирования требует постепенного, бережного подхода, который учитывает сопротивление системы и не пытается «сломать» табу силой. Первый шаг — это легитимация самой возможности говорить о табуированном: ведущий может сказать: «Я знаю, что об этом не принято говорить, но в этом пространстве можно говорить о чём угодно». Второй шаг — это введение фигуры, связанной с табу, без требования немедленного признания: «Здесь может быть кто-то, о ком мы не говорим. Давайте просто поставим эту фигуру и посмотрим, что произойдёт». Третий шаг — это постепенное приближение к признанию через произнесение имени и возвращение исключённому его места в системе. Каждый из этих шагов требует времени и терпения, и ведущий не должен торопить процесс.

Важно понимать, что табуирование не является просто «забыванием»; это активный процесс подавления информации, который требует от системы постоянных усилий. Эти усилия могут быть настолько велики, что система начинает избегать любых тем, которые могут косвенно напомнить о табуированном, и это избегание постепенно сужает пространство открытой коммуникации. В результате система становится ригидной, неспособной к адаптации и развитию, потому что её энергия тратится на поддержание табу, а не на решение актуальных задач. Именно поэтому разрушение табу и восстановление принадлежности исключённого элемента является не просто актом справедливости, но и необходимым условием для возвращения системе её жизнеспособности.

Необходимо подчеркнуть, что исключение через табуирование является наиболее радикальной и одновременно наиболее распространённой формой нарушения Закона Принадлеж-

ности в семейных и родовых системах. Запрет на произнесение имени или упоминание события создаёт в распределённом реестре «чёрную дыру», которая продолжает влиять на систему из тени через фантомные узлы и всякие связи. Уничтожение или сокрытие фотографий, документов и артефактов является материальным воплощением этого запрета и создаёт в реестре зону таинственного отсутствия, которая притягивает внимание системы.

Молчаливый сговор о несуществовании элемента превращает индивидуальный запрет в коллективный феномен, который передаётся через поколения и делает табу невидимым для самих участников системы. Диагностика и коррекция табуирования требует от расстановщика внимания к пробелам в семейной истории, к астрологическим маркерам размытой идентичности и к реакциям репрезентаторов, а также терпения и бережного подхода, учитывающего сопротивление системы. Без разрушения табу и восстановления принадлежности исключённого элемента система остаётся заложницей своего прошлого и не может обрести ту целостность, которая необходима для здорового функционирования и развития.

Исключение через стигматизацию

Стигматизация представляет собой вторую форму исключения в распределённом реестре, при которой элемент сохраняется в системной памяти, но получает негативную маркировку, исключая уважительное отношение и полноценное участие в системных процессах. В отличие от табуирования, где элемент полностью исчезает из открытой коммуникации, стигматизация предполагает его присутствие в реестре, но это присутствие организовано таким образом, чтобы лишить элемент права на достоинство, признание и благодарность. Система как бы говорит: «Мы знаем о тебе, но ты — позор, ты — предостережение, ты — то, чем нельзя быть». Эта форма исключения особенно коварна, потому что она создаёт иллюзию принадлежности, маскируя подлинное исключение за фасадом «знания» и «памяти».

Фиксация элемента в реестре с негативной маркировкой является первым и наиболее характерным признаком стигматизации, который может быть выявлен при системном аудите. В отличие от табуированной фигуры, о которой вообще не говорят, стигматизированная фигура регулярно упоминается в семейных нарративах, но всегда в контексте осуждения, стыда или предостережения. «Наш дед был пьяницей и ничтожеством», «она опозорила всю семью», «он получил по заслугам», «таких, как он, не должно было быть» — за этими фразами стоит не просто констатация фактов, а активное моральное осуждение, которое служит инструментом исключения. Человек, о котором говорят в таком ключе, формально присутствует в семейном нарративе, но фактически исключён из него, потому что лишён права на достоинство.

Негативная маркировка в распределённом реестре выполняет функцию информационного фильтра, который искажает все транзакции, связанные с данным элементом. Подобно тому как в компьютерной системе файл с пометкой «вредоносный» не может быть открыт обычным способом, запись о стигматизированном элементе не может быть использована для здорового системного взаимодействия. Она существует, но её существование отравлено — любое обращение к ней вызывает чувство стыда, вины или страха, и система избегает полноценного контакта с этой информацией. Именно это искажение и делает стигматизацию столь устойчивой формой исключения, которая может передаваться через поколения без какого-либо осознания её разрушительного характера.

Стигматизация часто применяется к элементам, которые невозможно полностью игнорировать, потому что их влияние слишком велико или их существование слишком очевидно.

Преступника нельзя просто забыть, если о нём писала пресса; изгнанного из семьи родственника нельзя полностью вычеркнуть, если его портрет висел на стене несколько десятилетий; самоубийцу нельзя не упоминать, если его смерть была громким событием в городе. В таких случаях система прибегает к стигматизации: элемент остаётся в реестре, но его значение сводится к негативному примеру, который служит для укрепления системных границ и поддержания морального порядка. Эта стратегия позволяет системе «знать» об элементе, но при этом не испытывать по отношению к нему ни уважения, ни благодарности, ни сострадания.

Сохранение памяти в контексте осуждения и предостережения является вторым ключевым механизмом стигматизации, который превращает память об исключённом в инструмент социального контроля. Система не просто помнит о стигматизированном элементе — она помнит о нём в определённом, негативном ключе, который служит для устрашения и наставления последующих поколений. «Вот что случается с теми, кто...», «Не будь как он», «Ты хочешь закончить как она?» — эти фразы превращают судьбу стигматизированного элемента в предостережение, которое должно удерживать членов системы от определённого поведения. Таким образом, память о стигматизированном становится не актом уважения к его судьбе, а актом укрепления системной нормативности.

Осуждение как форма памяти имеет парадоксальное последствие: оно сохраняет стигматизированный элемент в центре системного внимания, но в искажённой, негативной форме. Система не может забыть о нём, потому что его судьба слишком полезна как предостережение, но она не может и признать его полноценно, потому что это признание разрушило бы тот моральный порядок, который стигматизация призвана поддерживать. В результате стигматизированный элемент оказывается в своеобразной «ловушке памяти» — он вечно присутствует в системе, но вечно в негативной роли, и эта роль становится его системной идентичностью. Потомки, идентифицирующие с таким элементом, вынуждены нести не только его судьбу, но и его позор, что делает их положение особенно тяжёлым.

Предостережение как форма памяти особенно характерно для систем, где сильны моральные нормы и жёсткие границы допустимого поведения. В таких системах судьба стигматизированного элемента становится «уроком», который передаётся из поколения в поколение как напоминание о том, что система не прощает отклонений. Этот урок может быть прямым («не пей как дед») или косвенным («не выходи замуж за чужака как тётя»), но в любом случае он служит для укрепления системных правил и поддержания конформности. Однако цена этого укрепления — исключение того, чья судьба была принесена в жертву системной нормативности, и эта цена может быть очень высокой.

Аннулирование права на уважение и благодарность является третьим и наиболее разрушительным механизмом стигматизации, который лишает исключённый элемент его законного места в системной иерархии. В здоровой системе каждый элемент, внёсший вклад в её формирование и развитие, имеет право на уважение и благодарность — независимо от того, насколько его поступки соответствуют принятым нормам. Стигматизация аннулирует это право, заменяя его осуждением и презрением. Даже если стигматизированный элемент совершил героические поступки или принёс огромные жертвы, его вклад обесценивается, а его память оскверняется негативной маркировкой. Это аннулирование права на уважение и является подлинным исключением, которое маскируется за фасадом «памяти».

Аннулирование права на уважение имеет особенно тяжёлые последствия для потомков, которые идентифицируются со стигматизированным элементом. Они несут не только его

судьбу, но и его позор, и это делает их положение вдвойне тяжёлым — они страдают от системного напряжения, вызванного исключением, и одновременно несут бремя негативной маркировки, которая передаётся через поколения. Внук алкоголика может страдать от хронического чувства стыда, даже если он сам никогда не употреблял алкоголь; племянница «опозорившей семью» тёти может испытывать страх перед близкими отношениями, даже если она ничего не знает о судьбе тёти. Эти последствия являются прямым следствием аннулирования права на уважение, которое лишает исключённого и его потомков их законного места в системе.

Стигматизация часто сочетается с другими формами исключения, создавая комплексные паттерны системной дисфункции. Элемент может быть частично табуирован (о нём не говорят открыто) и одновременно стигматизирован (когда о нём всё же говорят, то только в негативном ключе). Его вклад может быть обесценен, а его память — осквернена. Такое комбинированное исключение наиболее трудно поддаётся коррекции, потому что требует одновременной работы на нескольких уровнях: снятия запрета на проговаривание, пересмотра негативной маркировки и признания реального вклада. Однако именно такое комбинированное исключение чаще всего и лежит в основе тяжёлых, хронических системных дисфункций, которые не поддаются коррекции на уровне отдельных симптомов.

Диагностика стигматизации требует от расстановщика внимания к тому, как именно клиент говорит об определённых фигурах в своей семейной истории. Тон голоса, выбор слов, эмоциональная окраска рассказа — всё это может указывать на наличие стигматизации. Если клиент говорит о ком-то с явным осуждением, с презрением, с отвращением, или, напротив, с холодной отстранённостью, которая маскирует глубокую боль, — это может быть признаком стигматизации. Особенно важно обращать внимание на те фигуры, о которых клиент говорит как о «примере того, чем нельзя быть» или как о «позоре семьи». Эти формулировки являются прямыми маркерами стигматизации и указывают на то, что данная фигура была исключена из системы через негативную маркировку.

В астрологической карте стигматизация часто коррелирует с напряжёнными аспектами между Сатурном и Луной, Сатурном и Венерой, а также с поражённым положением этих планет в четвёртом, восьмом или двенадцатом доме. Сатурн, как планета границ, норм и осуждения, в напряжении к Луне (материнская фигура, эмоциональная матрица) или к Венере (ценности, любовь, принятие) может указывать на системное осуждение, которое передаётся через поколения. Плутон в этих домах также может указывать на стигматизацию, особенно если он связан с темами насилия, стыда и социального отвержения. Анализ этих конфигураций позволяет расстановщику выдвинуть гипотезу о наличии стигматизированной фигуры и определить направление для системного аудита.

В расстановочной работе стигматизация проявляется в том, как репрезентаторы занимают места, связанные со стигматизированной фигурой. Они могут чувствовать сильное отвращение, желание отвернуться или отойти, могут испытывать чувство стыда или вины. Их позы могут быть сжатыми, закрытыми, как будто они защищаются от осуждения. Другие репрезентаторы могут избегать зрительного контакта с ними, поворачиваться к ним спиной или стоять на значительном расстоянии. Все эти проявления являются указанием на то, что стигматизация имеет место и что она требует коррекционной интервенции, направленной на пересмотр негативной маркировки и возвращение исключённому его права на уважение.

Коррекция стигматизации требует особого подхода, отличающегося от коррекции табуирования. Если при табуировании главная задача — снять запрет на проговаривание и ввести

фигуру в пространство, то при стигматизации задача сложнее: нужно не только ввести фигуру, но и изменить её маркировку в реестре. Это требует от расстановщика умения различать личность и поступки — признавать, что человек мог совершить тяжёлые ошибки, но при этом сохранять своё право на уважение как элемент системы. Ключевая фраза для коррекции стигматизации звучит примерно так: «Твой поступок был неправильным, но ты имеешь право на своё место в нашей системе. Мы не одобряем то, что ты сделал, но мы признаём, что ты был». Это признание не требует оправдания или прощения, но оно требует отказа от осуждения как формы исключения.

Важно понимать, что коррекция стигматизации не означает примирения с теми поступками, которые привели к стигматизации. Система не должна делать вид, что преступление не было преступлением, что насилие не было насилием, что предательство не было предательством. Она должна лишь признать, что человек, совершивший эти поступки, принадлежит системе и имеет право на своё место в её памяти, даже если это место связано с признанием его ошибок. Это различие между признанием личности и одобрением поступков является ключевым для понимания того, как работает коррекция стигматизации. Система может осуждать поступки, но не должна осуждать личность — это и есть восстановление принадлежности без оправдания.

Стигматизация, как и другие формы исключения, не исчезает мгновенно после одной интервенции. Она оставляет глубокие следы в распределённом реестре — в психике членов системы, в семейных артефактах, в укоренившихся ритуалах, в негласных правилах коммуникации. Даже после того как в расстановке была изменена маркировка стигматизированного элемента, системе требуется время и постоянные усилия для того, чтобы новая маркировка закрепилась во всех носителях. Клиент может обнаружить, что после расстановки его отношение к стигматизированному предку изменилось, но другие члены семьи продолжают относиться к нему по-старому. Это не означает, что расстановка «не сработала»; это означает, что изменение реестра требует времени и что клиенту предстоит своей новой жизнью и новыми реакциями постепенно переубеждать систему.

Для практикующего расстановщика понимание стигматизации как формы исключения означает, что он должен уметь различать, когда клиент имеет дело с табуированной фигурой, а когда — со стигматизированной, и выбирать соответствующие интервенции. Табуированная фигура требует введения и признания; стигматизированная — пересмотра маркировки и возвращения права на уважение. Смешение этих двух типов интервенций может привести к неэффективной работе или даже к усугублению проблемы. Именно поэтому типология исключённых фигур является необходимым инструментом в арсенале расстановщика, позволяющим ему более точно диагностировать характер системного нарушения и выбирать наиболее адекватные способы его коррекции.

Важно подчеркнуть, что исключение через стигматизацию является второй основной формой нарушения Закона Принадлежности, при которой элемент сохраняется в распределённом реестре, но с негативной маркировкой, исключающей уважительное отношение и полноценное участие в системных процессах. Фиксация элемента в реестре с негативной маркировкой создаёт в системной памяти запись, которая искажает все транзакции, связанные с данным элементом, и лишает его права на достоинство. Сохранение памяти в контексте осуждения и предостережения превращает судьбу стигматизированного элемента в инструмент социального контроля, который служит для укрепления системных норм и поддержания конформности.

Аннулирование права на уважение и благодарность является наиболее разрушительным механизмом стигматизации, который лишает исключённый элемент его законного места в системной иерархии и передаёт его позор последующим поколениям через идентификацию. Коррекция стигматизации требует пересмотра негативной маркировки и возвращения исключённому его права на уважение без оправдания его поступков. Это различие между признанием личности и одобрением поступков является ключевым для понимания того, как работает восстановление принадлежности при стигматизации, и без этого понимания система остаётся заложницей своего осуждения, которое продолжает отравлять её изнутри через поколения.

Исключение через институциональное забвение

Институциональное забвение представляет собой третью форму исключения в распределённом реестре, характерную для организационных и социальных систем, где целые группы людей, подразделения или события вычёркиваются из официальной истории. В отличие от табуирования и стигматизации, которые преимущественно связаны с семейными и родовыми системами, институциональное забвение возникает в тех системах, где существует формальная структура управления, документооборот и официальная версия истории.

Компании, государственные учреждения, политические партии, религиозные организации — все они подвержены этому механизму, который позволяет системе «забывать» то, что не вписывается в её текущую идентичность или стратегические интересы. Этот процесс не является случайным или спонтанным; он организован и поддерживается через формальные и неформальные механизмы, которые делают его особенно устойчивым к прямым попыткам изменения.

Исключение сотрудника или целого подразделения из корпоративной истории является первым и наиболее явным признаком институционального забвения, которое может быть выявлено при организационном аудите. Когда ключевой сотрудник увольняется, его вклад в развитие компании может быть систематически минимизирован или полностью стёрт из корпоративной памяти — его имя исчезает из годовых отчётов, его фотографии удаляются из корпоративных альбомов, его проекты переписываются другим людям. Целые подразделения, которые были расформированы или реорганизованы, могут быть вычеркнуты из организационной хронологии, как будто их никогда не существовало. Этот процесс создаёт в организационном реестре те же фантомные узлы и висячие связи, что и в семейной системе.

Исключение сотрудника или подразделения из корпоративной истории часто происходит не как единовременный акт, а как постепенный процесс, который может занимать годы. Сначала увольняют человека, затем перестают упоминать его имя на совещаниях, затем убирают его фотографию из корпоративных материалов, затем его проекты начинают приписывать другим, затем о нём просто забывают. Этот постепенный процесс позволяет системе «привыкнуть» к отсутствию элемента и делает исключение менее заметным для внешних наблюдателей. Однако для тех, кто остаётся в системе, этот процесс создаёт хроническое напряжение — они знают, что «что-то было», но не могут говорить об этом открыто, и это знание становится источником скрытых конфликтов и недоверия.

Демонизация уволенного как «козла отпущения» является вторым ключевым механизмом институционального забвения, который превращает исключение в инструмент укрепления организационной идентичности. Когда проект проваливается или компания сталкивается

с кризисом, система часто ищет виноватого, и этим виноватым становится уволенный сотрудник или расформированное подразделение. Ему приписываются все ошибки, все просчёты, все неудачи, и его увольнение представляется как «очищение» системы от чуждого элемента. Эта демонизация служит нескольким целям: она снимает ответственность с тех, кто остаётся, она укрепляет чувство сплочённости «чистой» части системы против «грязного» элемента, и она создаёт иллюзию того, что проблема решена.

Демонизация уволенного как «козла отпущения» имеет глубокие последствия для организационной культуры, потому что она создаёт атмосферу страха и недоверия. Сотрудники, видящие, как их коллега был демонизирован после увольнения, начинают бояться, что та же участь может постигнуть и их. Они перестают проявлять инициативу, боятся брать на себя ответственность, предпочитают не высываться и не привлекать к себе внимания. Это ведёт к снижению инновационности, к бюрократизации и к общему застою, который становится характерной чертой организаций, практикующих институциональное забвение. Компания, которая не может признать свои ошибки и ищет «козлов отпущения», обречена на повторение тех же ошибок в будущем.

Демонизация уволенного часто сопровождается созданием альтернативной истории, в которой уволенный предстаёт как «предатель», «некомпетентный» или «вредный» элемент. Эта альтернативная история становится частью организационного мифа, который передаётся новым сотрудникам как предостережение. «Никогда не делай того, что сделал он», «Вот что случается с теми, кто...», «Мы избавились от него, и теперь у нас всё хорошо» — эти фразы становятся частью корпоративного фольклора и служат для укрепления организационных норм. Однако этот миф, как и любой другой, основанный на исключении, создаёт в организационном реестре ту же «слепую зону», что и семейная тайна, и эта слепая зона продолжает влиять на систему из тени.

Отказ от анализа провальных проектов как формы исключения является третьим механизмом институционального забвения, который выводит исключение на уровень целых событий, а не только отдельных людей. Когда проект проваливается, система часто предпочитает не анализировать причины провала, чтобы не вскрывать те болезненные темы, которые могут быть связаны с ошибками руководства, недостатками системы или неправильными стратегическими решениями. Вместо анализа провал просто «забывается», а проект вычёркивается из корпоративной истории, как будто его никогда не было. Этот отказ от анализа является формой институционального забвения, которая лишает систему возможности учиться на своих ошибках.

Отказ от анализа провальных проектов особенно опасен тем, что он делает систему неспособной к обучению и адаптации. Компания, которая не анализирует свои провалы, обречена повторять их снова и снова, потому что она не усваивает уроков прошлого. Провальные проекты продолжают существовать в организационном реестре как фантомные узлы, которые притягивают к себе энергию системы и создают повторяющиеся сценарии неудач. Сотрудники могут испытывать необъяснимое сопротивление к определённым типам проектов или стратегий, не зная, что это сопротивление связано с провальным проектом, который был «забыт» много лет назад. Этот феномен является прямым аналогом семейных тайн и «слепых зон», которые мы рассматривали в первом томе.

Институциональное забвение имеет свои специфические механизмы поддержания, которые отличаются от механизмов табуирования и стигматизации в семейных системах. В органи-

зациях исключение часто закрепляется через формальные процедуры — изменение штатного расписания, уничтожение документов, переписывание историй. Эти формальные механизмы делают институциональное забвение особенно устойчивым, потому что они создают материальные свидетельства «несуществования» исключённого элемента. Сотрудник, чья должность была вычеркнута из штатного расписания, как бы «никогда не существовал» с точки зрения формальной системы, даже если все помнят о нём. Это формальное несуществование создаёт в организационном реестре особенно глубокие и трудно диагностируемые фантомные узлы.

Институциональное забвение часто сочетается с другими формами исключения, создавая комплексные паттерны организационной дисфункции. Уволенный сотрудник может быть одновременно вычеркнут из корпоративной истории (табуирование), демонизирован как «предатель» (стигматизация) и лишён признания своего вклада (обесценивание). Провальный проект может быть одновременно не проанализирован, вычеркнут из годовых отчётов и представлен как «эксперимент, который никто не одобрял». Такое комбинированное исключение наиболее трудно поддаётся коррекции, потому что требует работы на нескольких уровнях и с разными типами интервенций. Однако именно такое комбинированное исключение чаще всего и лежит в основе хронических организационных кризисов.

Диагностика институционального забвения требует от расстановщика внимания к организационной хронологии, к корпоративным мифам и к тому, как сотрудники говорят об истории компании. Если в компании есть «забытые» сотрудники, «провальные» проекты, о которых не принято вспоминать, или «тёмные» периоды, которые никто не хочет обсуждать, — это признаки институционального забвения. Особенно важно обращать внимание на то, как система реагирует на попытки поднять эти темы: если возникает напряжение, сопротивление или открытое осуждение тех, кто «ворошит прошлое», это указывает на наличие активного механизма исключения. В организационных расстановках институциональное забвение часто проявляется как пустое пространство, вокруг которого группируются сотрудники, или как фигура, которую все избегают.

В организационных расстановках институциональное забвение проявляется в том, как репрезентаторы занимают места, связанные с исключёнными сотрудниками или подразделениями. Репрезентаторы могут испытывать необъяснимое сопротивление к занятию определённых позиций, или их тело может реагировать напряжением, холодом или тяжестью. Другие репрезентаторы могут избегать зрительного контакта с ними, поворачиваться к ним спиной или стоять на значительном расстоянии. Иногда репрезентаторы вообще не могут определить, где находится место исключённого подразделения, потому что это место «не существует» в организационной памяти. Все эти проявления являются указанием на то, что институциональное забвение имеет место и что оно требует коррекционной интервенции.

Коррекция институционального забвения требует особого подхода, который учитывает формальный характер организационных систем и необходимость работы с документацией, процедурами и официальными версиями истории. В отличие от семейных систем, где работа может быть преимущественно символической и ритуальной, организационная коррекция часто требует реальных изменений в документах, в штатном расписании, в корпоративных коммуникациях. Восстановление принадлежности исключённого сотрудника может включать возвращение его имени в корпоративную историю, признание его вклада в годовых отчётах, изменение формулировок в корпоративных мифах. Эти изменения должны быть не только символическими, но и формальными, чтобы закрепиться в организационном реестре.

Коррекция отказа от анализа провальных проектов требует создания в организации культуры, где ошибки признаются и анализируются, а не замалчиваются. Это может включать проведение «разборов полётов», создание системы «уроков извлечённых», поощрение открытости в обсуждении неудач. Важно, чтобы эти изменения были не просто декларированы, но и реально внедрены в организационные практики. Только тогда система сможет перестать воспроизводить старые ошибки и начать учиться на своём опыте. Это требует времени и последовательных усилий, но без этого институциональное забвение продолжит отравлять организационную культуру.

Для практикующего организационного расстановщика понимание институционального забвения как формы исключения означает, что он должен уметь различать, когда организация имеет дело с табуированным сотрудником, со стигматизированным «козлом отпущения» или с забытым провальным проектом, и выбирать соответствующие интервенции. Каждый из этих типов исключения требует своего подхода, и смешение этих подходов может привести к неэффективной работе. Именно поэтому типология исключённых фигур является необходимым инструментом в арсенале организационного расстановщика, позволяющим ему более точно диагностировать характер системного нарушения и выбирать наиболее адекватные способы его коррекции в корпоративной среде.

Таким образом, исключение через институциональное забвение является третьей основной формой нарушения Закона Принадлежности, характерной для организационных и социальных систем. Исключение сотрудника или целого подразделения из корпоративной истории создаёт в организационном реестре фантомные узлы и висячие связи, которые продолжают влиять на системную динамику из тени. Демонизация уволенного как «козла отпущения» превращает исключение в инструмент укрепления организационной идентичности и создаёт атмосферу страха и недоверия, которая блокирует инновации и развитие.

Отказ от анализа провальных проектов лишает систему способности учиться на своих ошибках и обрекает её на повторение тех же провалов. Коррекция институционального забвения требует работы с формальными документами, корпоративными мифами и организационной культурой, а также создания среды, где ошибки признаются и анализируются. Без восстановления принадлежности исключённых сотрудников и признания провальных проектов организация остаётся заложницей своего прошлого и не может обрести ту целостность, которая необходима для здорового функционирования и устойчивого развития.

Подводя итог главы, необходимо подчеркнуть, что типология исключённых фигур является необходимым инструментом для диагностики нарушений Закона Принадлежности в различных типах систем. Табуирование, стигматизация и институциональное забвение представляют собой три основные формы исключения, каждая из которых имеет свои механизмы поддержания, свои психологические последствия и требует своих способов коррекции. Табуирование создаёт в распределённом реестре наиболее глубокие и трудно диагностируемые «дыры», потому что информация об исключённом элементе полностью переводится в разряд «несуществующей» и исключается из открытой коммуникации.

Стигматизация сохраняет элемент в реестре, но с негативной маркировкой, которая лишает его права на уважение и благодарность и превращает его судьбу в инструмент социального контроля. Институциональное забвение выводит исключение на уровень целых организаций, где сотрудники, подразделения и провальные проекты вычёркиваются из официальной

истории, создавая в организационном реестре те же фантомные узлы и висячие связи, что и в семейной системе.

Каждая из этих форм исключения имеет свои характерные проявления, которые могут быть выявлены при системном аудите через анализ семейной или организационной хронологии, через внимание к тому, как клиент говорит об определённых фигурах, и через астрологическую карту как вероятностный источник гипотез. Табуирование проявляется в пробелах в семейной истории, в запретных темах, в уничтоженных или скрытых артефактах и в молчаливом сговоре о несуществовании элемента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.